

Самара- центр губернии

Бескрайние девственные степи Заволжья, словно жемчужной каймой охваченные излучиной великой русской реки... В XIX столетии их судьбы оказались неразрывно связанными с небольшим уездным центром Симбирской губернии, выгодно расположенным на крутой волжской левке, в устье реки Самары.

В 1851 году Самара стала центром обширной губернии, составленной из уездов Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний. Этому событию, с радостью встреченному жителями нашего города, предшествовала историческая дистанция, длиной в полстолетия, наполненная важными и знаменательными событиями в экономической, общественно-политической и культурной жизни. На современном город не производил особенно выгодного впечатления. Отсюда — довольно частые описания, рисующие захолустный, ничем не примечательный уездный центр. В городе к середине XIX века насчитывалось 14.920 жителей. Его границами служили ул. Ульяновская и Садовая, в которых располагалось 300 каменных и 2.200 деревянных зданий. Немощные улицы были заполнены песком. За Троицкой площадью (Центральный рынок) начиналась степь... В то же время иностранцы, изредка посещавшие Самару, с удивлением отмечали поразительное сходство этого небольшого города с североамери-

канскими городами, возникшими в районах «золотой или нефтяной лихорадки». Действительно, в Самаре была своя, «хлебная лихорадка». Богатейшие невыпаханные степные черноземы привлекали сюда разного рода спекулянтов, стремившихся арендовать как можно больше земель в надежде снять с нее баснословный урожай знаменитой «белотурки» — пшеницы, высоко котировавшейся на мировом рынке. На самарском рынке разыгрывались события, по своему сюжету и накалу страстей вполне достойные пера знаменитого американского писателя. На торговом горизонте ярко вспыхивали и нередко тут же исчезали имена новых богачей, нажившихся на хищнической эксплуатации заволжских земель.

Первый самарский губернатор К. К. Грот сообщает в своих записках: «На основании имеющихся в нас сведений мы могли бы привести более 50-ти фамилий из самарских жителей, занимавшихся съемами и посевами, из которых 20 оказались через то формально несостоятельными на сумму более 800 тыс. руб., а остальные 30 понесли от высказанных операций убытков на сумму до 1.300 тыс. руб., не говоря о множестве менее значительных спекулянтов, общая сумма убытков которых также должна быть немала». В Самаре сложились крупные купеческие дома, определявшие торговую жизнь го-



ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМОВ СОТРУДНИКОВ И СТУДЕНТОВ КУЙБИШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Газета выходит с августа 1978 года. № 23 (370) Четверг, 20 июня 1985 года. □ Цена 1 коп.

рода, — Мальцевы, Полеводины, Харитоновы, Шихобаловы и др. Быстрое развитие коммерческого земледелия и животноводства и тесно связанной с ними оптовой торговли приводило к быстрому возрастанию роли Самары как речного порта. Известный самарский краевед П. В. Алабин писал, что хлеб и продукты скотоводства «в благоприятные годы в огромном количестве свозятся в Самару не только из тех странств Самарской губернии, которые имеют естественное тяготение к этой волжской пристани, но и из Оренбургского края и земли уральских казаков». В Самару съезжалось большое количество оптовых торговцев — скупщиков на все товары, имевшие хождение в Поволжье, особенно хлеб. Главное удобство самарской хлебной пристани (на р. Самаре) состояло в том, что р. Самара вскрывалась от льда раньше Волги. Суда, зимовавшие на р. Самаре, начинали погрузку уже тогда, когда Волга была еще покрыта льдом. К окончанию волжского ледохода они уже достигали Казани и приходили в Рыбинск раньше су-

дов, зимовавших в верхневолжских пристанях, т. е. основную часть пути успевали проходить до начала весеннего половодья. Зимовавшие в Самаре суда успевали сделать за лето до 8 рейсов, а приходившие после ледохода — в лучшем случае 5. Таким образом, экономическое развитие края ставило Самару в центр большого региона, охватывающего пограничные уезды соседних губерний.

Самара не была «дворянским гнездом», но помещичьих имений здесь было около тысячи. Среди них большинство — средних и мелких, в которых жизнь крепостных была значительно тяжелее. Классовая борьба в самарской деревне не утихла. В первой половине XIX в. она стала принимать небывало широкий и острый характер. Наиболее крупным крестьянским выступлением в первой четверти XIX в. были волнения крепостных помещицы Наумовой в Ставропольском уезде. В 1818 г. 29 апреля к симбирскому губернатору Магницкому явилась толпа крестьян более 100 человек с жалобами на управляющего именем. В доносении губернатора царю говорилось, что «Крестьяне представили двух человек в цепях, заклепанных тяжкими деревянными стульями, из коих одному была надета на шею железная клеть в 18 фунтов». Однако дело кончилось тем, что с помещицы была взята подписка, что она прекратит беспорядки и будет строго соблюдать 3-дневную барщину.

Широкое распространение в нашем крае получила народная социальная утопия, выразителями которой были М. Попов и И. Григорьев. Особенно опасным для царских властей был Иван Григорьев, призывавший верующих не ждать наступления тысячелетнего царства, а своими руками создавать лучшее общество. Не случайно поэтому правительство предпochло тайно расправиться с Григорьевым. Он был убит в Самарском остроге в 1872 г.

6 июля 1812 г. в лагере близ Полоцка Александр II издал Манифест о создании ополчения. Симбирская губерния была включена в третью округу вместе с Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской и Вятской губерниями. Рядовой состав ополчения набирался главным образом из крепостных крестьян, а офицерский — из дворянства. В Симбирске был создан «Комитет попечения о вооружении, продовольствии людей как будет должно и прилично». От Самары в состав комитета вошел майор Н. Л. Хардин. Симбирско-Самарское опол-

чение, насчитывавшее около 10 тыс. ратников, выступило в поход в ноябре 1812 г. К нему были присоединены еще 16 полков регулярной башкирской конницы, а также рязанское ополчение и артиллерия. Первый бой с неприятелем произошел 5 сентября 1813 года после форсирования Одера. Затем последовали упорные сражения под Дрезденом, Глогау, Магдебургом и Гамбургом. В рапорте на имя царя командующий армией генерал Беннигсен отмечал особые заслуги волжан, которые, по его словам, «более других имели трудов и случаев к отличию». Дворянское крепостническое государство презирало и игнорировало народные массы. Поэтому сохранившиеся документы, за редким исключением, отмечают лишь храбрость дворян офицеров. В Самарском ополчении выделены, к примеру, подвиги командира полка, штаб-ротмистра Третьякова, эскадронных командиров майора Астраханцева и ротмистра Бекетова и др. Но за их действиями стоят героизм и мужество многих тысяч простых ополченцев, которым иногда «гуртом» выражали благодарность и в лучшем случае выдавали награду по одному рублю, а чины и ордена доставались командирам — дворянам. Немало ополченцев отдали жизнь в боях и походах. В общем число возвратившихся не превышало одной трети вступивших в ополчение.

Самарское общество в 20-е гг. XIX в. было настроено прогрессивно. Тон здесь задавали чиновники Илецкого соляного правления. Среди оставшихся офицеров, особенно участников войны 1812 г., также были либерально настроенные люди. Сразу же после востания декабристов в Петербурге в далекой Самаре был арестован полковник И. И. Христ, но вскоре был отпущен за недостатком улик. И. И. Христ был знаком со многими чиновниками соляного правления, среди которых выделялись своим вольнодумством И. А. Второв и Ф. И. Герман. Иван Алексеевич Второв — один из образованнейших людей своего времени, лично знавший И. С. Тургенева, Карамзина, Жуковского, Крылова, Пушкина, Дельвига. Он оставил дневник, полный бичующих местную администрацию замечаний и характеристик.

С Самарой и Самарским уездом были связаны и некоторые декабристы. Выходцем из Самары был А. А. Жемчужников. Близких родственников в Самаре имели М. А. Назимов, А. Ф. Фурман, Е. Л. Лачиников, А. П. и П. П. Беляевы, посещавшие в связи с этим наш город в разное время. В Самарском уезде жил и работал в качестве управ-

ляющего именован декабрист, бывший член общества соединенных славян А. В. Веденяпин.

В середине 50-х гг. до Самарской губернии вновь докатились отголоски внешнеполитических событий. В 1855 г. в Самаре формировались воинские части из числа уездных крестьян-добровольцев. Вскоре был объявлен набор в «государственное подвыбное ополчение». Это ополчение во многом отличалось от ополчения 1812 г. Оно и создавалось на том этапе войны, когда народ уже был измучен тяготами дополнительных повинностей. Крымская война была крайне популярна в народе. Тем не менее явилось много добровольцев. В Самаре был создан губернский комитет для руководства и оснащения дружин ополчения. Было сформировано 12 дружин. Ратники обмундировывались по кавказскому образцу. Вооружены они были холодным оружием и нарезными ружьями-штуцерами.

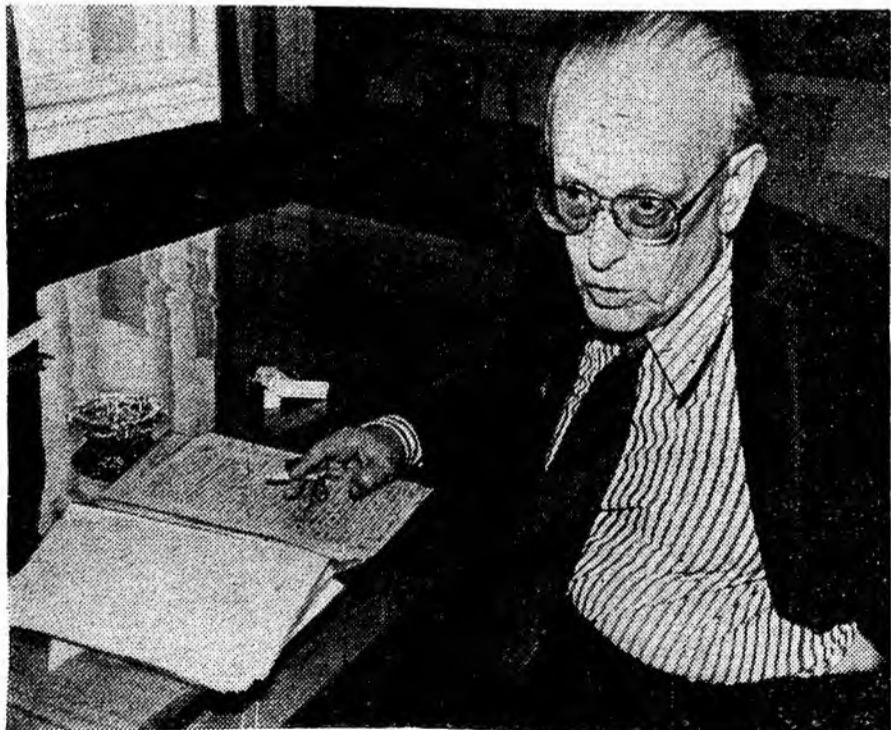
Многие самарцы стали активными участниками, героями самого яркого и драматического события Крымской войны — Севастопольской обороны. Матрос Павел Петров был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте и бронзовой медалью на андреевской ленте. Денежную награду за усердную службу на береговой батарее, оборонявшей Севастополь, получили матросы-самарцы Гурьянов, Гитманенко, Неверов, Гудков, Труфанов и др. Таким образом, участие в крупнейших политических событиях своего времени способствовало пробуждению классового самосознания угнетенных масс крестьянства, вовлечению их в бурный водоворот политической жизни страны.

Учебные заведения в Самаре ограничивались уездным и приходским училищами. 5 августа 1856 г. была открыта гимназия. Для нее был нанят каменный дом купца Растрепина. Инспектором гимназии был назначен старший учитель латинского языка Пермской гимназии коллежский советник Веретенников И. Д., который к этому времени был женат на сестре Марии Александровны Бланк — Лине (в будущем Ульяновой).

Жители края, кто с тревогой и озлоблением, кто с радостью и надеждой прислушивались к нараставшему крестьянскому движению в губернии, к неясным, но все более упорно ходившим в народе слухам о близкой воле. Надвигалась первая в России революционная ситуация и падение ненавистного крепостничества.

П. САВЕЛЬЕВ,
ст. преподаватель, кандидат исторических наук.

С рассказом о А. Н. Толстом



Н. А. Толстой, доктор физико-математических наук, профессор кафедры оптики ЛГУ, сын Алексея Николаевича Толстого, стал недавно гостем нашего вуза.

Преподаватели и сотрудники, студенты университета с большим вниманием и интересом слушали воспоминания Никиты Алексеевича о писателе — нашем земляке. Моменты биографии, конкретные ситуации, рассказанные им, служат еще больше раскрытию и пониманию личности писателя. Никита Алексеевич говорил о том, как работал Алексей Толстой, о силе его характера, о большом чувстве юмора.

Отвечая на вопросы аудитории, Н. А. Толстой рассказал и о себе. Будучи ученым, он несколько лет проработал в арабских странах в качестве эксперта ЮНЕСКО.

Увлекательный рассказ о жизни Алексея Толстого произвел большое впечатление на аудиторию. Во многом этому способствовало обаяние личности Никиты Алексеевича Толстого, сила и острота его ума. Встречи с такими людьми всегда интересны и волнующи.

На снимке: Н. А. Толстой.

Фото Т. НОРЕЙКО.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ



НА СНИМКАХ: Ольга Акиннина и Валентин Столяров, Борис Сиротин, Евгений Чепурных, Ольга Лебедева. Фото В. Неупокоева.

Впервые в университете прошел вечер поэзии. В помещении клуба кафе «Гаудеамус» студенты филологического и исторического факультетов встретились с известными куйбышевскими поэтами В. Столяровым, Б. Сиротиным, Е. Чепурных, С. Ломако.

Вечер поэзии открыл доктор филологических наук, и. о. профессора В. П. Скобелев. Он говорил о красоте и силе поэтического слова, о художественной выразительности стиха. Творчество современников, продолжающих традиции классической русской, советской поэзии, не может оставить нас равнодушными. С большим вниманием следит студенческая аудитория

за развитием поэтического искусства сегодня. В этом еще раз можно было убедиться на вечере. Поэтому пришедшие в гости к студентам поэты чувствовали себя особенно уютно. И так доверительно, проникновенно звучали стихи.

Сначала выступили наши студенты-филологи О. Лебедева, И. Анисимова, А. Карпеев, О. Акиннина (юрфак), Н. Ольшевская (выпускница филфака), Н. Серебрянская (исторический факультет).

Затем свои стихи читали Евгений Чепурных, Борис Сиротин, Валентин Столяров. Пел свои песни под гитару Сергей Ломако.

О войне, об исторических судьбах народов, о любви и долге говорили

в этот вечер со сцены кратким, точным слогом стиха.

Остроумие поэзии Е. Чепурных, философские стихи Б. Сиротина, глагобо-лиричные — В. Столярова, стихи-размышления, стихи-шутки С. Ломако зал воспринимал очень чутко.

На вечере не было разговора о стихах, не было прямых оценок — лишь сами стихи. Состоялся творческий диалог начинающих молодых авторов и профессиональных поэтов. И как отметил Б. Сиротин, — это замечательно, что нам есть, что сказать друг другу стихами.

В конце вечера присутствующие задавали поэтам вопросы об их творческих планах.

Б. СИРОТИН.
Вадиму Кожинову

Через белый-белый день
Над рекой
И кромкой леса
Дельтаплан скользнул,
как тень,
Без моторного прогресса.
Капул, небо не коптя,
Летний мир не оглушая...
То ли бог, то ли дитя,
То ли бабочка большая...
Человек мелькнул
В тиши —
Совпадала, как хотела,
Сила легкая души
С устремлениями тела.
С тротуаров и шоссе
И с реки,
Прервав движенье,
Целый миг глядели все
На высокое скольжение.

В. СТОЛЯРОВ

ОБЛАКА

Занимается утро
Над городом издалека
Белогрудую стаей идут
Облака на рассвете.
Облака, облака!
Вы откуда взялись,
Облака?
Далеко ли лететь вам?
Ответьте;
Облака, облака...
Я завидую вам, облака...
Нет на вас рецензента,
Ни даже редактора нету.
И какими слепила вас
Природы рука,
Вы такими летите
По белому свету,
Облака, облака!
Если б также,
Как вы, облака,
И стихи — мои дети —
Что родились за час
До рассвета
Подниматься могли
Над землей

За строкою строка.
И качаться на крыльях
Попутного ветра.
Уплывали б они
Широко и легко
В обожженные солнцем
И богом забытые дали,
И потом где-нибудь
В Кулундинской степи,
Далеко-далеко,
На людские сердца
Благодатным дождем
Выпадали.
Но — лежат неподвижно
На столе корректуры
Листы,
И над строчкой
Злосчастной
Редактора гложет
Сомненье,
И летят облака —
Высоки и нежны,
И чисты,
Как заветное самое
Стихотворение.

О. АКИНИНА, 931 гр.

..Сын погиб — не вернуть назад.
Сорок лет лежит во земле сырой.
Ты услышь меня, мое дитяtko,
Защити наш мир своей памятью.
Ты не дай забыть людям смерть свою,
Расскажи ты им, как война страшна.
Ты поведай всем, как во землю лег
За победу нашу, за правую.
Ты рабом не стал, не склонил колен.
До конца хранил свое мужество.
Завещал ты всем быть счастливыми
Быть достойными своей Родины.
А и жизнь у нас, словно рай земной,
Детям солнечно улыбается
Люди помнят вас, помнят воннов,
Берегут они землю русскую.
Вам бы жить да жить, бед не знаячи,
Сыновей растить, дочек ласковых.
Никогда страну не покроет мгла.
Это ваша мать обещает вам!

Мохнатые зарева тьму прорезают,
Отблеск багровый дрожит на дорогах.
Зарево ближе. В пламени жарком дома,
Дымом сады затянуло цветущие, —
Всюду смерти огонь витает.
Всякое горе свой запах имеет.
Пеплом и смертью пахнет война
И огнем.

С. ЛОМАКО
ТУМАН

Еще дремала вдалеке
Заря — румяная молодка...
Туман спускался по реке,
Как отвязавшаяся лодка, —
Легко и тихо плыл.
Куда?
Он сам не знал.
Река не знала.
Их утро накрепко связало,
И мне казалось —
Навсегда.
Какой простор ждал впереди!
Но ветер,
Как последний скряга,
До капельки туман ссидил
В тугое горлышко оврага
И я никак не мог поверить:

Вот так исчезнуть,
Без следа?..
Но не заметила потери
Неторопливая вода.

Еще одна июльская страница
Зарей раскрыта в толстой книге лет.
Свежо и пряно пахнет медунницей
Доверчивый, непуганый рассвет.
Спросонья торопливо что-то речка
Бормочет,
По камням пускаясь вскачь,
И все вокруг надежно так и вечно,
И хрупко так, и временно —
Хоть плачь.
Понятно мне —
Ничто не повторится,
Но вот привыкнуть к этому — никак...
Так беззаботно маленькая птица
Прохладу утра пьет
Из родника!

И. АНИСИМОВА, 741 гр.

Ах, глупый клоун, ты смешон.
Ты сам до слез нахохотался.
Но как ты искренне старался
Пронять того, кто не смеялся,
А, губы покривив, ушел.
Ты был уверен, жалкий плут,
Что тот, кто здесь улыбку прячет,
Вдруг скажет:
— Милый, милый шут, —
Придет домой и сам заплачет.

Е. ЧЕПУРНЫХ

На базаре в шумихе воскресной,
Где рубля не жалеет народ,
Неумытый, небритый, но трезвый,
Злой волшебник гармонию продает.
Он в глаза посмотреть нам не смеет.
Он угрюм, как медведь после сна.
Злой волшебник играть не умеет
И гармошка ему не нужна.
Превратил бы он в камень планету.
Но давно позабыл волшебство,
И давно разлетелись по свету
Все волшебные вещи его.

Я отпускаю с ладони синицу,
Эта синица летит за границу
Наших с тобой недомолвок и бед.
Эта синица летит в облака.
А на ладони синее слегка
От коготка ее след.
Я отпускаю с ладони синицу.
Эта синица летит за границу.
В клетке всегда,
Хоть один выгнут прут,
А удержать — бесполезный труд.
Я отпускаю.

Что, друг мой, седой бесполокый?
Планету метет к январю.
Смотрел ли ты в ящик почтовый?
— Я больше в него не смотрю.
Есть некое в листьях хрустящих
С полночным морозом родство.
— Чем полон почтовый твой ящик?
— Давно не смотрю я в него.
Предельного возраста устье,
Спасибо за ветхость запруд!
И в ящике тихо.
И пусто.
А письма идут и идут.

